К. П. Юрченко Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
И. Н. Савельева Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Траектории макроэкономической политики в условиях ловушки среднего дохода

Аннотация. В конце 2013 г. экономика России вошла в состояние рецессии, вызванной неблагоприятным влиянием как фундаментальных (ловушка среднего дохода), так и конъюнктурных (сокращение экспортных доходов и санкции) факторов, усиленных «голландской болезнью». Наибольшей проблемой стала реакция на затяжной спад – негативная стабилизация, ведущая к устойчивому равновесию при низком состоянии макроэкономических показателей. Перед макрорегуляторами встал вопрос о выборе инструментов макроэкономической политики, способной не только преодолеть образовавшиеся ловушки, но и вывести экономику на траекторию устойчивого роста. Исследование посвящено обоснованию выбора инструментов структурной политики и анализу их сочетания с осторожным применением традиционной монетарной и фискальной политики. Доказывается необходимость возврата к индустриальной политике как фундаментальному инструменту регулирования экономического роста. Методологической базой послужили модели ресурсозависимой экономики и эмпирические исследования реакции последних на применение инструментов макроэкономической политики. Авторами предпринята попытка показать уязвимость отечественной экономики от ловушки среднего дохода, усиленной ресурсозависимостью, на основе применения метода сравнительного графического анализа и метода корреляционного анализа. В основу предлагаемой авторами траектории выхода экономики из сложившейся ситуации положено сбалансированное применение традиционных инструментов, опирающееся на эмпирические оценки их влияния на экономический рост в подобных условиях, которое может быть использовано в практике макроэкономического регулирования.

Ключевые слова: негативная стабилизация; ресурсозависимая экономика; «голландская болезнь»; экономический рост; ловушка среднего дохода; макроэкономическая политика.

Для цитирования: Юрченко К. П., Савельева И. Н. (2019). Траектории макроэкономической политики в условиях ловушки среднего дохода // Journal of New Economy. Т. 20, № 5. С. 23–41. DOI: 10.29141/2658-5081-2019-20-5-2

Дата поступления: 13 мая 2019 г.

Введение

Геоэкономические события последних лет заставили вновь задуматься о невысокой в целом точности прогнозов, генерируемых общественными науками. При этом традиционно много вопросов возникает к объяснению особенностей реакции экономики на внешние и внутренние шоки, характеризующихся нелинейностью и неоднозначностью. В этой связи у международных и национальных экономических экспертов на фоне запоздалых объяснений сложившейся ситуации появляется все больше прогнозов, предполагающих весьма резкие развороты в глобальной экономической политике: привычный мировой экономический порядок будет меняться не только по мере усиления

нового центра притяжения мирового производства и инвестиций – экономики Китая, но и событий, менее тривиальных и ожидаемых. Подобные аномальные и не предсказуемые текущей аналитикой явления, существенно воздействующие на жизнь и довольно просто объясняемые ретроспективно, описываются категорией «черные лебеди», введенной в оборот Н. Н. Талебом [2012, с. 34]. Несмотря на актуальность таких событий для российской экономики и распространенные попытки списать на них отрицательную динамику фундаментальных макроэкономических показателей, корень проблем все же в ином.

Следует отметить, что макроэкономическая ситуация в России характеризуется очень высокой степенью непредсказуемости. Среди контуров уязвимости российской экономики все чаще называют ловушку среднего дохода, которая возникла объективно в результате достижения экономикой среднего уровня душевого дохода, а также сохраняющуюся ресурсозависимость, ослабляющую конкурентоспособность экономической модели в долгосрочной перспективе и проявляющуюся в «голландской болезни», среднесрочные и долгосрочные последствия которой все более проявляются в структуре экономики страны. В ряде работ отстаивается тезис об отсутствии в России «голландской болезни» [Гневашева, 2016; Суслова, Волчкова, 2007], что, впрочем, остается дискуссионным вопросом. Несмотря на приводимые авторами результаты эконометрических исследований, качественные последствия ресурсозависимости российской экономики, проявляющиеся до сегодняшнего дня, становятся все более тяжелыми.

Для выработки эффективной экономической политики важно определить, является ли серьезная пятилетняя рецессия следствием нерешенной проблемы ресурсозависимости, дополненной ловушкой среднего дохода, либо эта ситуация не могла быть предугадана на основе опережающих индикаторов и стала для страны «черным лебедем»? В первом случае решение проблемы вполне традиционное и исторически неоднократно принимавшееся: модернизация, реиндустриализация и диверсификация отраслевой структуры наряду с институциональными преобразованиями, способными изменить институциональную архитектуру экономики так, чтобы в ней преобладали институты, дружественные экономическому росту. Это долгий, но в целом понятный путь, опыт преодоления которого накоплен многими странами. Во втором случае встанет вопрос о постоянной готовности экономики и общества к подобному впредь. Для этого потребуется привлечение значительных финансовых, технологических и научных ресурсов, запас которых может оказаться недостаточным для создания резервов и неточечного их применения.

Таким образом, перед макроэкономическими регуляторами стоят весьма противоречивые задачи, порождаемые подобным сочетанием кризисных факторов. В монетарной политике это решение о процентной ставке: для стимулирования выхода экономики из кризиса ее необходимо снижать, но для недопущения вероятного в кризис оттока капитала – повышать. В фискальной политике – решения о налоговых изъятиях: в интересах экономического роста их следует уменьшить, но сохранение бюджетной стабильности предполагает их увеличение.

Цель нашего исследования – выбор сбалансированного набора инструментов макроэкономического регулирования, способного постепенно вернуть экономику на траекторию роста.

Для этого последовательно решается ряд задач:

- проработана теория ресурсозависимых экономик;
- расставлены акценты в изучении положений теории ловушки среднего дохода;
- проведен графический анализ сформировавшихся в экономике зависимостей;

- предложены варианты макроэкономической политики для российской экономики.

Чтобы обеспечить релевантное сочетание инструментов макроэкономической политики, способное не только стабилизировать экономику на текущем уровне, но и развернуть ее траекторию на устойчивый рост, необходимо детально проанализировать условия, определяющие состояние экономики, и выявить закономерности в их влиянии на экономический рост. Для этого целесообразно рассмотреть накопленный исследователями опыт и откалибровать его на эмпирических данных.

Ресурсозависимость и ловушка среднего дохода

Многие экономисты утверждают, что воздействие ресурсозависимости на экономику не ограничивается сугубо экономическими проблемами. Оно приносит в общество серьезные институциональные искажения, в большинстве случаев непозитивные. Определимся с терминами, используемыми в настоящем исследовании. Ресурсозависимой будем считать экономику страны со значительной долей сырьевых ресурсов в экспорте, ресурсоизбыточной – экономику, обладающую большими запасами минеральных ресурсов (которые могут активно перерабатываться внутри страны и не порождать ресурсозависимости). Под «голландской болезнью» мы понимаем весьма распространенное, но не обязательное следствие ресурсозависимости (ее оригинальное описание будет приведено ниже), что отражается не только на структуре экономики, но и на обменном курсе валюты. Генерируемые в ресурсозависимой стране некачественные институты обостряют неадекватность реакции экономики на кризис и затрудняют выход из него. Такие институты быстро растут, надежно закрепляются и становятся весьма устойчивыми, превращаясь в институциональные ловушки, и искажают траекторию развития экономики, приводя к длительной стагнации. С подачи Р. М. Аути [Auty, 1993, p. 67] и развивших его исследование Дж. Д. Сакса и Э. В. Уорнера [Sachs, Warner, 1995, p. 21] эта комплексная проблема получила в экономической науке название «ресурсное проклятие».

Особенностям экономической политики в странах с ресурсозависимой экономикой посвящены многочисленные исследования зарубежных и отечественных экономистов. Вызывают интерес работы, посвященные успешному опыту Норвегии. В свое время эта страна преодолела зону риска «голландской болезни», избежала ухудшения институциональной архитектуры экономики и реализовала вполне либеральную монетарную политику, не допустив избыточного расширения денежной массы, а следовательно, разгона инфляции. Успешно преодолена была также тенденция чрезмерного укрепления национальной валюты [Gausdal, 2000; Soikkeli, 2002; Svensson, 2004]. Впрочем, позитивный пример Норвегии нерепрезентативен и малоприменим в других странах по институциональным причинам (ресурсоизбыточность норвежской экономики проявилась позже, чем в стране укоренились институты, не позволившие развиваться «голландской болезни»). К тому же излишнее практическое увлечение им, вероятнее всего, приведет к «систематической ошибке выжившего». Анализируя труды, посвященные особенностям монетарной политики центральных банков ресурсозависимых стран, отметим, что монетарная стратегия существенно зависит от динамики экспортных цен и удельного веса импортных благ в структуре внутреннего потребления. Понимая специфичность и изменчивость этих параметров даже в одной стране на средних и тем более на долгосрочных временных интервалах, следует признать, что результаты большинства работ уникальны для исследуемой экономики и едва ли могут быть масштабированы и распространены на другие страны.

Несмотря на то, что первоначально исследование феномена нестабильного развития ресурсоизбыточных стран носило характер количественного межстранового сопоставления,

в последнее время акцент часто переносится на возникающие искажения институциональной структуры экономики. Именно они становятся причинами сбоев в экономической политике. История свидетельствует, что нефтяной бум 1973–1974 гг. привел к росту коррупции, искажению структуры собственности, наращиванию долгов (обеспеченных преимущественно ожиданиями доходов от сырьевого экспорта) и к серьезному урону, нанесенному общественному сектору большей части стран-экспортеров нефти.

Одними из первых подобные последствия ресурсозависимости выявили А. Гельб [Gelb, 1988, p. 14], Дж. Сакс, Э. Уорнер [Sachs, Warner, 1995, 1999]. Не меньше сделал Р. Аути, обобщивший результаты предыдущих исследований и внесший собственный вклад в разработку проблемы [Auty, 1993, 2001]. Многие работы опираются на модель «голландской болезни», предложенной в начале 1980-х и фиксирующей принципиальные закономерности развития событий в ресурсозависимых странах [Corden, Neary, 1982; Corden, 1984].

«Голландская болезнь» подразумевает серьезное ухудшение многих экономических параметров страны после непродолжительного экономического подъема, вызванного поступлением в страну экзогенно возросших сырьевых экспортных доходов: постепенная деиндустриализация экономики, снижение качества и темпов экономического роста (в худшем случае он останавливается). Все это последствия того, что страна не генерирует экономический рост ни технологиями, ни инвестициями, а черпает его потенциал извне, попадая в зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры. Охлаждение мировых сырьевых рынков практически моментально обрушивает модель благосостояния в ресурсозависимой стране.

Страны-экспортеры сталкиваются с укреплением реального обменного курса и ухудшением торгового баланса: усиливается действие эффекта вытеснения в открытой экономике. Положительный ценовой шок постепенно выдыхается из-за потери конкурентоспособности несырьевого сектора торгуемых благ, в котором начинает преобладать импорт. Именно это и есть проявления «голландской болезни» [Corden, 1984]. Нарастающий в ценовом, а затем и в количественном отношении экспорт минеральных ресурсов с практически неминуемым прогрессирующим замещением на внутреннем рынке конечной продукции импортом неизбежно приводит к снижению потенциала отечественной перерабатывающей промышленности, ослабляя экономику страны тем больше, чем дольше длится период высоких цен на мировом сырьевом рынке. Основу долгосрочного устойчивого экономического роста обеспечивают новые технологии и прочие факторы, повышающие производительность труда. Это присуще именно перерабатывающей промышленности, которая в стране, пораженной «голландской болезнью», часто находится в угнетенном состоянии. Конъюнктурный подъем в сфере услуг, который безусловно наблюдается в период хорошей конъюнктуры сырьевых рынков, не создает фундамента для устойчивости. Такие выводы делают большинство исследователей и практиков.

После некачественного подъема экономики экзогенное снижение цен на сырье приводит к резкому ухудшению платежного баланса, провоцирует риски валютного кризиса и девальвации национальной валюты, особенно если хозяйствующие субъекты активно кредитовались в валюте на фазе роста. Кроме того, девальвация валюты негативно сказывается на покупательной способности населения, успевшего заместить в потребительской корзине значительную часть отечественных товаров импортными. Мировой опыт красноречив и убедителен: финансовые кризисы и падение благосостояния в странах-экспортерах нефти приходятся преимущественно на периоды снижения мировых цен на энергоресурсы. Большинство ресурсозависимых стран в период высокой ценовой конъюнктуры сырьевых рынков просто накачивают свои экономики денежной массой,

поскольку центральные банки таргетируют обменный курс, не допуская его резкого укрепления. Немалая часть поступающей экспортной выручки выкупается в их резервы, что влечет за собой значительную денежную эмиссию. Побочным эффектом становится разгон внутренней инфляции и опережающее удорожание отечественных товаров на фоне дешевого или стабильного импорта, т. е. конкурентоспособность экономики падает. Как показывает опыт, активная структурная промышленная политика в подобных условиях проводится довольно редко, несмотря на то, что страны верят в возможность совершать некие экономические рывки [Дробышевский, Козловская, Трунин, 2004, с. 56–57]. Более того, некоторые страны (Венесуэла, Нигерия) не делают даже этого и просто пользуются свалившимся на них богатством, чрезмерно страдая в периоды охлаждения конъюнктуры мировых рынков, а также из-за периодического износа основных фондов во всех отраслях экономики.

К середине минувшего десятилетия все больше стало появляться работ, в которых проблемы ресурсоизбыточных стран объясняются не столько значительным удельным весом ресурсодобывающих отраслей и экспорта ресурсов в структуре их экономики, сколько неэффективным распоряжением получаемыми от этого доходами и, как правило, отсутствием их реинвестирования в отрасли с более высокой долей добавленной стоимости. Однако исследование мирового опыта показало, что многие страны, являющиеся ныне экономическими лидерами, 100 лет назад вполне успешно развивались, несмотря на очень высокую обеспеченность ресурсами [Brunnshweiller, 2006, p. 11–12]. Это не стало для них причиной закрепления некачественных институтов и не создало препятствий для устойчивого развития. Последующий анализ показал, что такие страны, как Великобритания, Австралия, Канада, США в XIX в., Норвегия и ОАЭ в XX в., стартовали в секторе активного освоения ресурсного потенциала, имея уже устойчивую институциональную архитектуру. Последняя либо ориентировала экономику на активную переработку ресурсов внутри страны, способствуя созданию мощного перерабатывающего сектора, либо обеспечивала относительно эффективное распределение ресурсных доходов, не порождающее макроэкономические дисбалансы и не препятствующее успешному экономическому росту (ОАЭ).

Ретроспективный обзор и сравнительный анализ странового опыта показывают, что попытки трансформировать неблагоприятную институциональную структуру после того, как в стране появляются значительные потоки ресурсных доходов, чаще всего неуспешны. Однако Голландия, именем которой назван феномен ухудшения динамических характеристик и качества экономики, вызванный ресурсозависимостью, после непродолжительного ухудшения сумела преодолеть риски и, опираясь на свою богатую рыночную историю, победила «голландскую болезнь». Во многих странах попытки трансформации институтов даже не предпринимались. Такая институциональная стагнация запускает процесс ржавения экономики и способствует постепенному ухудшению ее качества, а также формирует экономическое отставание от других стран.

Немало внимания институциональным аспектам ресурсозависимых экономик уделено российскими учеными. Так, в довольно подробной работе В. М. Полтеровича, В. В. Попова и А. С. Тониса [2007, с. 76] выдвинута гипотеза «условного ресурсного проклятия», которое реализуется в отложенном эффекте воздействия на экономику. В исследовании С. М. Гуриева, К. И. Сониной [2008, с. 66] показана устойчивая связь между доминированием ресурсного сектора в экономике с закономерностями развития экономических и политических институтов. Авторы отмечают также, что «ресурсное проклятие» в первую очередь поражает страны, в которых эти институты недостаточно устойчивы, поэтому упрощающие текущую экономическую реальность экспортные доходы препятствуют их развитию.

Рассуждая об институциональной стороне проблемы, многие исследователи заключают, что ресурсообеспеченность не обязательно приводит к «ресурсному проклятию». Если в стране функционирует мощный перерабатывающий сектор, осваивающий большую часть добываемых минеральных ресурсов, создающий и локализирующий на территории страны добавленную стоимость, то в комбинации с неразрушающими институтами и стабильными поставками отечественного сырья он в состоянии обеспечить качественный и устойчивый экономический рост. Именно некачественные институты создают опасные ловушки на пути становления такой экономики и препятствуют устойчивому развитию [Gelb, 1988; Gylfason, Zoega, 2002; Gylfason, 2004; Hartwick, 1990; Ross, 2015; Venables, 2016].

Довольно глубоко институциональные особенности ресурсозависимых стран исследованы в работах Х. Мехлума, К. Мёне и Р. Торвика, которые сформулировали проблему «грабберства», неизбежно возникающего в анализируемом типе экономики [Mehlum, Moene, Torvik, 2006, p. 52–54]. По мнению авторов, институциональная слабость государства становится в этом случае ключевой причиной экономических неудач. Если к началу освоения ресурсоизбыточной базы качественные институты еще не укоренены и на ранних этапах ее масштабного освоения не удастся сформировать институты для поддержки перерабатывающей промышленности (*producer friendly institutions*), то долгосрочная динамика с высокой долей вероятности не будет позитивной. Там, где слабое государство, неизбежно усиливаются некачественные институты, препятствующие экономическому росту (*grabber friendly institutions*). Не встречая противодействия своему росту, они очень быстро закрепляются. Осознавая, что со временем государство может принять меры для их устранения либо превращения в *failed state*, а это в обоих случаях радикально сократит возможность зарабатывать, «грабберы» реализуют краткосрочные цели. С точки зрения устойчивого недропользования, устойчивого развития и общенационального экономического эффекта это имеет крайне негативные последствия. Субъекты, получившие доступ к пользованию ресурсами, стремятся как можно скорее монетизировать полезность от извлекаемых ресурсов, распределяя ее только в своих интересах. Это пагубно для экономического роста и социальной стабильности, так как очень быстро генерирует существенное имущественное неравенство. «Грабберы» гораздо адаптивнее «производителей», поэтому их удельный вес в экономике быстро растет, создавая все новые препятствия для развития производства и уверенного роста экономики. Экономическая модель страны все больше ориентируется на перераспределение, которое приносит более стабильный доход, отвлекая на себя лучшие трудовые ресурсы. Но даже такая ситуация не очень стабильна, поскольку по мере уменьшения числа производителей «грабберы» начинают ожесточенно конкурировать между собой за право перераспределять, т. е. за природную ренту, хотя в орбиту их интересов попадают и другие секторы экономики. Экономика начинает чахнуть от уменьшения реальных производительных сил, что приводит к сокращению объема благ, доступных для перераспределения. Это ведет к конфликтам, а в предельных случаях к гражданским войнам (примеры Нигерии и Анголы). В таких условиях экономический рост рано или поздно становится невозможным.

Возвращаясь к макроэкономическому регулированию в ресурсозависимых странах, отметим, что в большинстве своем их экономическая политика сводится к накачиванию экономики деньгами в краткосрочном периоде. В риторике властей преобладают воззвания к совершению экономического рывка, чего чаще всего так и не происходит. В периоды благоприятной конъюнктуры мировых сырьевых рынков центральные банки таких стран пытаются сдерживать значительный приток валюты, аккумулируя его в

своих резервах и стерилизуя избыточный рост денежной массы (с вытекающими из этого угрозами инфляционных скачков) через размещение облигаций на открытом рынке (например, Россия в 2003–2008 гг.). В периоды снижения мировых цен на ресурсных рынках валютные резервы расходуются, чтобы не допустить обвала национальной валюты, попадающей в зависимость от движения сырьевых цен. Однако есть страны, которые не делают даже этого, а просто пользуются экспортными ресурсными сверхдоходами в периоды высоких цен и страдают от «голландской болезни» при их снижении (ярким примером является Венесуэла, «голландская болезнь» в которой демонстрирует всю мощь своего разрушительного потенциала в 2017–2019 гг.).

Чаще всего макроэкономическая политика ресурсозависимых стран сводится к стерилизации избытка ликвидности в экономике. Вместе с тем опыт успешных стран показывает, что наибольший эффект дают структурная промышленная политика и новая индустриализация, опирающиеся на инвестирование экспортных доходов в развитие перспективных секторов экономики. В недавнем прошлом так поступили Норвегия и ОАЭ, пойдя совершенно разными, с точки зрения институциональной архитектуры и реализуемых проектов, путями, приведшими тем не менее обе страны к положительным результатам (впрочем, многие экономисты не считают экономику ОАЭ устойчивой в долгосрочной перспективе). В большинстве стран этому препятствуют быстро закрепляющиеся некачественные институты (монополии, нарушающие конкурентный механизм эффективного распределения ресурсов, коррупция, быстро появляющиеся там, где возникает возможность извлечения природной ренты), которые неизбежно придется демонтировать, чему всегда мешает их устойчивость.

Как видим, тема ресурсозависимости национальных экономик ввиду своей актуальности достаточно широко исследуется отечественными и зарубежными авторами. Вместе с тем единого мнения о том, почему этот феномен поражает одни страны и практически не затрагивает другие, сегодня нет. Приведенные гипотезы о роли институтов представляются весьма правдоподобными и могут лежать в основе разработки программ выхода стран из сложившейся ситуации, но требуют проверки временем и, что очень важно, предполагают индивидуальные для каждой страны особенности применяемой экономической политики.

Если деиндустриализация ресурсозависимой экономики является в основном следствием «голландской болезни» и вызванным ею же институциональным несовершенством, то причины ловушки среднего дохода более фундаментальны. Ловушка среднего дохода – это период резкого и иногда продолжительного замедления роста экономики, достигшей среднего уровня благосостояния большей части населения.

Как таковая ловушка среднего дохода была выявлена относительно недавно, но то, что на нее обратили внимание политики многих стран, подчеркнуло ее актуальность и сделало весьма обсуждаемой после 2011 г. В работе Б. Эйхенгрена [Eichengreen, 2011, p. 8–9] показано, что все страны, быстро достигающие среднего уровня дохода на душу населения (15 000 дол. в ценах 2005 г.), резко замедляются, а то и вовсе останавливаются в своем росте. В лучшем случае их ожидает несколько лет стагнации, в худшем – скатывание в рецессию. При этом, как свидетельствует проведенный автором эмпирический обзор (а указанный рубеж преодолевали более семидесяти стран, что позволяет говорить о полноте исследования), качество и факторы предшествующего ловушке экономического роста несущественно влияют на результат. Он мог быть качественным благодаря развитию промышленности и технологий или высоких цен на экспортируемые ресурсы. Страна все равно попадает в ловушку среднего дохода. Быстро достигнув пика роста, страны, экономика которых в любом случае обладает определенной инерцией, не в состоянии так

же быстро изменить структуру экономики и обновить исчерпавшую свои возможности модель развития. Общая производительность факторов производства либо перестает расти, либо снижается, останавливая всю экономику. В стране начинает ощущаться избыток факторов производства от прежней исчерпавшей свой потенциал модели, малоэффективных в меняющихся условиях. После нескольких лет стагнации в ловушке (по результатам исследований, до семи) следует период восстановления, успешность которого не гарантирована, а темп может быть крайне низким, оставляя страну в состоянии ловушки.

Выбраться из ловушки сложно. Характеризуя состояние стран, попавших в ловушку, Б. Эйхенгрин утверждает, что производительность капитала в таких экономиках снижается, фактор новых технологий практически не срабатывает. Предельная производительность новых знаний очень быстро убывает и может вырасти скачкообразно только в случае массового внедрения кардинально новых технологий, воспринимаемых экономикой и обществом. А это, согласно историко-экономическим исследованиям, является большой редкостью. Государство дезориентировано, уровень имущественного неравенства растет, что препятствует возвращению экономики на траекторию роста. Как известно, по гипотезе С. Кузнецца, неравенство в доходах, приемлемое и даже необходимое на начальной стадии экономического подъема, но только после длительного упадка, должно сокращаться, иначе оно становится фактором замедления экономического роста. Если это неравенство усугубляется отбором закрепившихся некачественных институтов (что, как мы выяснили, весьма вероятно в ресурсозависимой экономике), то пребывание страны в состоянии ловушки среднего дохода затягивается. В своей работе Б. Эйхенгрин утверждает, что высокое качество экспорта (т. е. преобладание в нем несырьевой продукции с большой долей добавленной стоимости) и человеческого капитала снижают риски углубления ловушки, а ресурсозависимость их повышает. Ряд экономистов, характеризуя ловушку, усматривают суть проблемы в исчерпании источников дешевого роста, которые толкали экономику вперед до попадания ее в ловушку. Впрочем, эта гипотеза не доказана.

В более поздних работах, опираясь на детализированные данные, Б. Эйхенгрин обнаружил, что в ловушку среднего дохода страны попадают дважды: первый раз на пороге дохода в 11 000 дол. на душу населения, второй – на 15 000 дол. в ценах 2005 г. [Eichengreen, Donghyun, Kwanho, 2011]. Если рассматривать этот феномен на примере экономики России, то видно, что в 2007–2008 гг. страна уже оказывалась в ловушке, но благополучно преодолела ее первый менее заметный порог, который был завуалирован кризисным шоком 2008–2009 гг. Тогда экономический рост существенно пострадал, в отличие от реального дохода населения и его потребления, а быстрое восстановление источников роста не полностью исчерпавшей себя модели экономики создало ощущение успешного преодоления проблем. Вплотную приблизившись к пороговым 15 000 дол. на душу населения в конце 2013 г., экономика увязла в ловушке надолго. Результаты исследований показывают, что страны с существенной долей технологичного экспорта менее восприимчивы к замедлению роста в условиях ловушки и быстрее выбираются из нее. Помогает этому и высококачественный человеческий капитал. Кроме того, даже статистика говорит о том, что расти с низкой базы до среднего уровня проще, чем со среднего до высокого.

Ряд экономистов описывают ловушку как ситуацию, «...когда растущее благосостояние населения делает издержки оплаты труда (то есть заработные платы) слишком высокими, чтобы страна могла за их счет конкурировать с менее развитыми государствами, но при этом не возникает нужного количества достаточно квалифицированных работников, чтобы можно было соперничать с более развитыми» [Иноземцев, 2017]. С поведенческой

точки зрения это приводит к тому, что люди уже стремятся зарабатывать и жить, как в развитой стране, но, не пройдя этапов передовой трансформации экономики и ее структуры, работать они способны, как в развивающейся. Усугубляет ситуацию и поведение элит, которые привыкают в период бурного роста к сверхдоходам, не готовы ограничивать себя и стремятся переложить тяготы кризиса и даже стагнации на средний класс, перераспределяя в свою пользу все возрастающую долю сжимающихся доходов страны и усиливая имущественное неравенство. Так возникают уже не просто экономические, но институциональные проблемы, требующие проведения серьезных реформ.

С одной стороны, бороться надо с институциональными перекосами, но у экономики нет на это времени, если она уже находится в ловушке. По мнению экономистов ключевой задачей для страны, попавшей в ловушку, становится восстановление роста производительности труда [Хамфрис, Сакс, Стиглиц (ред.), 2011]. В исследованиях Б. Эйхенгрена показано, что бурный рост перед остановкой, как правило, обеспечивался взрывным увеличением «...совокупной производительности факторов производства» [Eichengreen, 2011, p. 10–12]. Первопричиной таких изменений могут быть технологические сдвиги, урбанизация с сопутствующим ей массовым перетоком рабочей силы в наиболее эффективные секторы, качественный прирост человеческого капитала на волне роста доступности и качества образования в стране. Со временем рост производительности труда исчерпывает себя, экономика приходит в состояние нового равновесия. Это может стать следствием технологического шока (из-за невозможности быстро освоить более сложные технологии, повышающие производительность) или из-за исчерпания резерва дешевой рабочей силы.

Оказавшись в состоянии ловушки среднего дохода, власти большинства стран пробуют реанимировать рост производительности труда накачиванием отраслей инвестициями, налоговыми маневрами и иногда даже запуском новых технологий. Мировой опыт показывает, что важным институциональным изменениям, без которых технологические преобразования возможны, но мало результативны (борьба с коррупцией, забюрократизированностью, модернизация институтов), элиты сопротивляются. Однако государство может провести необходимые изменения реформами сверху, что, как показывает опыт, является самым выгодным сценарием. Правда, далеко не во всех странах государству это удается.

Таким образом, динамично растущие экономики при достижении определенного уровня развития замедляются ввиду истощения традиционных и работавших ранее способов увеличения производительности труда. Именно такие периоды, когда экономика страны уже не может опираться на технологические заимствования и даже на импорт успешных практик, когда она в поисках ресурсов роста исчерпывает возможности их перераспределения из низкопроизводительных в высокопроизводительные секторы, становятся ловушкой среднего дохода. По мере углубления ловушки все сложнее поддерживать высокие темпы роста, который постепенно замедляется и останавливается. Прежняя модель экономического роста утрачивает способность двигать экономику, и стране нужен быстрый переход к новой модели, которая в идеале продумана заблаговременно.

Россия вписывается в эту теорию. Импортозамещающий рост ее экономики в 1999–2008 гг., ставший возможным и доступным на волне многократной девальвации 1998 г., был продолжен бумом сырьевых цен, улучшением платежного баланса, кредитного рейтинга и последовавшим притоком капитала. Реальный ВВП за десятилетие практически удвоился. По мере накопления экономических успехов наблюдался прирост производительности труда, что во многом было следствием наличия значительных объемов неиспользуемых ресурсов, оставшихся со времени больших реформ начала 1990-х годов.

Грамотно направленные в импортозамещающие отрасли эти резервные мощности существенно подтолкнули экономику. Следует понимать, что это были тоже «дешевые» источники роста советского времени, не потребовавшие больших текущих затрат. Однако все механизмы того периода – эффект девальвации, загрузка простаивающих мощностей, поток нефтедолларов, доступ к дешевым заимствованиям за рубежом – дали экономике все, что могли. Дальше нужна была другая модель, которой пока нет. Очевидно, что наступает время инвестиционного роста российской экономики и что это должны быть серьезные вложения в модернизацию производственной инфраструктуры в секторе, производящем торгуемые блага.

Итак, с институциональной и с технологической точек зрения ловушка среднего дохода подразумевает, что экономика застревает между двумя моделями развития. В условиях, когда элиты не готовы менять ситуацию, довольствуясь своим текущим положением, едва ли не единственным направлением к выходу из ловушки становится развитие образования и сектора услуг, в которых возможны быстрый рост и значительная занятость. Эффект от такого роста (если он случится) будет непродолжительным, следовательно, готовиться к фундаментальным преобразованиям рано или поздно придется. Многие указывают на то, что именно по этому пути будет двигаться российская экономика, но такой выход из ловушки среднего дохода, хоть и устранил одну из фундаментальных проблем российской экономики, разом не решит все вопросы. Роль правильной промышленной политики как основы устойчивости экономического роста станет еще более значимой.

Графическое представление экономической динамики

Настоящая работа открывает цикл исследований, конечная цель которых – построить модель макроэкономической политики, способной решить задачи с противоречивыми условиями, возникшие перед российской экономикой и препятствующие восстановлению экономического роста. Мы постараемся обосновать ситуацию, в которой оказалась российская экономика к настоящему времени, чтобы в дальнейшем смоделировать вероятные варианты развития событий. Для этого используем инструменты графического анализа и сопоставим наблюдаемую динамику ряда экономических показателей страны с тезисами авторов рассмотренных выше концепций. Отметим, что моделирование экономической динамики и выявление в ней точки вхождения в состояние ловушки среднего дохода будет проводиться применительно к стандартным условиям открытой экономики, какой и является экономика России. Как и в приведенной ранее работе Б. Эйхенгрин, ловушка будет идентифицироваться на основании достижения номинальным ВВП на душу населения величины в 15 000 дол. в ценах 2005 г. В данном случае представляется нецелесообразным использовать расчет показателя по ППС ввиду возможных искажений, неизбежных для данной методики (вспомним резкие изменения номинального обменного курса российского рубля в 2014 г., после которых слабая динамика курса по ППС не отразила существенных ухудшений экономической ситуации). Учитывая, что российская экономика достигла критической для попадания в ловушку величины вскоре после взятого Б. Эйхенгрином за базовый 2005 г., относительно невысокие темпы инфляции за этот период не привели к существенным отклонениям величин в текущих ценах от величин в ценах сопоставимых. Это также позволяет использовать для анализа номинальный показатель. Для оценки динамики показателей взяты данные официальной статистики, переведенные по официальному обменному курсу. Динамика рассматриваемых показателей в 1990-е годы недостаточно репрезентативна с точки зрения настоящего исследования, так как экономика количественно и качественно находилась тогда в другом состоянии. Вместе с тем она представляет определенный интерес с точки зрения видения изменений на долгосрочном интервале (рис. 1).

Рис. 1. Сравнительная динамика номинального ВВП на душу населения и темпов прироста ВВП в России в 1992–2018 гг.¹

Fig. 1. Comparative dynamics of the nominal GDP per capita and GDP growth rates in Russia, 1992–2018

На рис. 1 отчетливо видна нестабильная траектория приближения российской экономики к состоянию ловушки. Наблюдаемая динамика свидетельствует о взрывном росте критического для ловушки показателя, что не могло не сказаться на состоянии экономики. При этом явно просматривается временной рубеж первого входа российской экономики в ловушку в 2007–2008 гг.

Существенное снижение ВВП на душу населения, ставшее в основном следствием обесценения рубля в 2014 г., не привело к выходу экономики из ловушки. Опыт многих стран с проведением девальвации национальной валюты во время входа в ловушку аналогичен российскому: это не становится путем выхода из нее. Заметно, что при вхождении в состояние ловушки среднего дохода падают темпы экономического роста, что не может не сказаться на уровне жизни населения. Эта взаимосвязь будет представлена в дальнейшем исследовании, в котором будут учитываться такие значимые факторы, как запас финансовой прочности экономики и степень закредитованности ее основных секторов, прямо влияющие на лаги реакции уровня жизни на динамику темпов роста.

На рис. 2 сопоставлены темпы экономического роста и динамика мировых цен на нефть, что позволяет увидеть их корреляцию. Очевидно, что восстановление цены на нефть в 2017 г. не вернуло экономику к устойчивому росту. Это ключевой аргумент, подтверждающий гипотезу о том, что ни высокие цены на нефть сами по себе, ни их существенный прирост двигателем роста уже быть не могут, поскольку модель роста, опирающегося на нефтяные доходы, себя исчерпала. Кроме того, заметно, что наиболее высокие темпы роста ВВП наблюдались при относительно невысоких ценах на нефть (срабатывал эффект базы), однако экономический спад всегда сопряжен с периодами дешевой нефти. Можно предположить, что даже гипотетическое повышение цен на нефть в обозримой перспективе не приведет к восстановлению темпов роста. Актуальным становится вопрос смены модели экономического развития. Сложившаяся экономическая модель не реагирует на прежние позитивные сигналы. Это еще раз подтверждает разбалансированность прежней экономической модели ловушкой среднего дохода и истощенностью ее движущих факторов. Движущие силы роста находятся уже не здесь.

¹ Составлено по данным Росстата и Банка России.

Вместе с тем прирост цен на нефть положительно коррелирует с темпами экономического роста. Значит, экономика остается слабодиверсифицированной, и это явно мешает ей восстанавливать рост.

Рис. 2. Соотношение темпов прироста ВВП России и мировых цен на нефть в 2000–2018 гг.¹

Fig. 2. Ratio between growth rates of Russia's GDP and world oil prices in 2000–2018

Рис. 3 показывает довольно сильную корреляцию производительности труда и динамики цен на нефть, что вновь свидетельствует о значительной ресурсозависимости. Всем этим подтверждаются тезисы работ, анализирующих данный феномен в России [Гневашева, 2016]. Последняя, как отмечалось выше, только усугубляет ловушку среднего дохода. Констатация такой зависимости делает непростым ответ на вопрос: «что делать в сложившейся ситуации?». В этом контексте по-прежнему актуальна тема модернизации экономики и реформирования ее отраслевой структуры в сторону снижения доли добывающего сектора, что займет много времени.

Рис. 3. Соотношение динамики производительности труда в России и мировых цен на нефть в 2000–2018 гг.²

Fig. 3. Ratio between the dynamics of Russia's labour productivity and world oil prices in 2000–2018

На рис. 4 показано соотношение темпов прироста ВВП и доли инвестиций в ВВП (без временного лага). Здесь не только отсутствует прямая связь экономического роста с инвестициями, но даже заметна незначительная отрицательная связь. Это объясняется тем, что экономический рост 2000-х годов носил характер восстановления экономики после

¹ Составлено по данным Росстата и Банка России.

² Составлено по данным Росстата.

глубокого падения десятилетием ранее. В подобных условиях значительных капиталовложений, как правило, не требуется: экономика загружает простаивающие после длительного спада производственные мощности и наращивает масштабы технологических заимствований. Сам рост реализуется через расширение потребительского сектора. К этому же ведет и ресурсозависимость, которая не требует больших объемов инвестирования (что порождает «голландскую болезнь»). Очевидно, что восстановившись, экономика будет требовать перехода к инвестиционной модели роста. Однако в российской ситуации такая модель будет разрабатываться во-многом наобум, поскольку своей эмпирикой по инвестиционному росту страна не располагает в принципе, а любая чужая малоприменима.

Рис. 4. Соотношение темпов прироста ВВП и доли инвестиций в ВВП России в 2000–2018 гг.¹

Fig. 4. Ratio between GDP growth rates and share of investments in Russia's GDP, 2000–2018

На рис. 5 отражена взаимная динамика дохода на душу населения и производительности труда. Конфигурация графика подтверждает критическую значимость производительности труда для устойчивого экономического роста. В связи с этим стимулировать экономику придется через наращивание производительности труда, а это подразумевает большой объем инвестиций в технологическую инфраструктуру и ослабление налогового давления путем стимулирования соответствующих направлений инвестирования.

Рис. 5. Динамика производительности труда и ВВП на душу населения в России в 2000–2018 гг.²

Fig. 5. Dynamics of labour productivity and GDP per capita in Russia, 2000–2018

¹ Составлено по данным Росстата, Банка России и РБК.

² Составлено по данным Росстата и Банка России.

Таким образом, набор сформировавшихся эмпирических закономерностей текущего этапа развития экономики России выявляется анализом графической динамики, которая в дальнейшем может послужить базой для построения модели макроэкономической политики.

Макроэкономическая политика в текущих условиях

Результаты первичного графического и корреляционного анализа позволяют сформулировать тезисы, определяющие причины современного состояния российской экономики и имеющие практическую значимость с точки зрения выработки конкретных действий для возвращения ее на траекторию устойчивого роста.

Первой из таких причин является сохраняющаяся ресурсозависимость экономики. Несмотря на периодически встречающиеся утверждения о том, что можно преодолеть и даже избежать «голландскую болезнь», о растущей диверсификации экономики, о снижении чувствительности курса российского рубля к изменению мировых цен на энергоресурсы, эта проблема остается исключительно острой. То, что одни и те же цены на нефть сочетаются с разными темпами экономического роста и кардинально отличающимися бюджетными параметрами, говорит скорее о негативных качественных изменениях в экономике страны в последнее десятилетие. Ресурсозависимость усилилась и сделала невозможным поддержание высоких темпов роста при умеренных ценах на нефть. Совсем недавно эти цены обеспечивали бурный экономический подъем, как оказалось – восстановительный. Зависимость бюджета от неуправляемых внешних цен приводит к решениям властей о компенсации выпадающих доходов усилением налоговой нагрузки на частный сектор. Это снижает располагаемые доходы, когда они больше всего нужны экономике для поддержки темпов роста, и уменьшает совокупный спрос, когда он перестает быть драйвером экономического роста.

Безусловно, появление в 2004 г. стабилизационного фонда сняло первичные симптомы «голландской болезни» с экономики, однако ее основные эффекты были перенесены с частного сектора экономики на государство. Поскольку прежняя экономическая модель роста больше не работает, экономика не диверсифицирована, резервы ее иссякают, властям доступен лишь один инструмент поддержания номинальных бюджетных доходов. Это периодические выравнивающие девальвации, которые способны стимулировать импортозамещение, но неизбежно обрушают реальные доходы населения, ставя под угрозу длительность тенденции роста. В результате ближайшие перспективы скорого восстановления экономического роста неочевидны.

Итак, фундаментальной причиной торможения экономического роста в России стало попадание экономики в ловушку среднего дохода. Опыт стран, оказывавшихся в подобной ситуации, подтверждает, что грамотная экономическая политика позволяет преодолеть ловушку довольно быстро. Для России ловушка усугубилась полным исчерпанием потенциала старой модели развития, а также неготовностью диверсифицироваться, трансформировать институты и уйти от ресурсозависимости. Кроме того, на экономическую динамику неослабевающее давление оказывает недружественный экономическому росту внешнеконъюнктурный фон, выразившийся в санкционном режиме, который препятствует модернизации экономики, не готовой самостоятельно генерировать технологии. Российская экономика одновременно попала в ловушку среднего дохода и в ловушку деиндустриализации. Она параллельно теряет темпы роста и утрачивает позиции в промышленности. В подобной ситуации традиционное стимулирование совокупного спроса инструментами монетарной и фискальной политики перестает работать: монетарное, вероятнее всего, приведет к разгону инфляции, а к фискальному власти не

готовы (о чем свидетельствуют принимаемые в настоящее время решения в области налогообложения). России необходима взвешенная структурная политика, ориентированная на восстановление производственного потенциала.

Заключение

Переход России из категории стран среднего дохода в категорию стран с доходом выше среднего зависит от реализации эффективной и соответствующий реалиям макроэкономической политики. Инвестиционный ресурс для структурного сдвига есть, но его вливание в экономику сдерживается институтами, не дружественными экономическому росту. Инвестиционный фактор необходимо учитывать, даже если прежняя модель восстановительного роста, предполагавшая удорожание нефти, не опиралась на существенные инвестиции.

Ловушка среднего дохода не дает больше возможности исправить экономическую ситуацию копированием практик успешных стран или наращивать производительность, перемещая производственные ресурсы внутри системы. Для выхода из ловушки необходим переход к обновленной модели развития, опирающейся на опережающий рост инвестиций. Это не привычно для крупных компаний, привыкших эксплуатировать «дешевый» производственный потенциал, созданный много десятилетий назад. В рамках обновленной модели роста монетарные власти должны обеспечить страну доступными длинными деньгами, чему препятствует стремление удержать стабильный курс рубля и не допустить разгона инфляции. Центральному банку придется сделать выбор.

Экономические регуляторы столкнулись с серьезной и полной противоречий задачей: для восстановления экономического роста необходима прежде всего стимулирующая монетарная политика в сочетании с импортозамещающим ростом через девальвацию национальной валюты (как показывает минувшее кризисное пятилетие, импортозамещения при стабильном курсе не происходит). Однако все это противоречит авторитету текущих достижений: стабильности обменного курса и достижению низких темпов инфляции. В долгосрочной перспективе сочетать стабильную валюту и высокие темпы роста нынешняя модель экономики не позволяет. Конечно, сама по себе политика импортозамещения – вариант стратегически неблагоприятный, поскольку способствует усугублению технологического отставания (в Аргентине в XX в. она стала первопричиной «незаметной катастрофы»). Альтернативных вариантов в настоящее время не просматривается.

Исследование выявило, что ресурсозависимость экономики не снижается при ослаблении влияния разогрева конъюнктуры мировых сырьевых рынков на темпы экономического роста в стране. Это означает, что прежние рецепты роста утрачивают свою эффективность. Даже существенное удорожание нефти и газа не вызовет такого роста, какой наблюдался в 2001–2013 гг., хоть и решит ряд финансовых проблем.

Исследование выявило также заметную зависимость производительности труда в России от мировых сырьевых цен, что актуализирует задачу диверсификации экономики.

Экономические власти обладают всем спектром инструментов для восстановления роста, но время уходит: экономика России вместе со всем миром функционирует в условиях регулярного появления непозитивных «черных лебедей». Очевидно, что чем дальше откладывается восстановление экономического роста, тем больших вложений оно потребует из-за накапливающегося отставания и нерешенных фундаментальных экономических проблем.

Структурная политика, ориентированная на диверсификацию экономики путем расширения перерабатывающего производства, является первым и самым эффективным

шагом восстановления роста экономики. Именно это приведет к постепенной модернизации значимых для устойчивого развития институтов, важность чего подчеркивают многие исследователи.

Перечисленные меры носят долгосрочный характер, их позитивный эффект проявится не скоро, возникнут даже некоторые неблагоприятные краткосрочные эффекты. В конечном счете долгосрочный устойчивый экономический рост будет простимулирован с некоторым ущербом для низких темпов инфляции и стабильного курса национальной валюты. А это означает, что в очень близкой перспективе могут произойти заметное обесценение рубля, разгон инфляции и экономический рост. Страна повторит опыт 1999–2008 гг., пусть и в менее скромных масштабах ввиду отсутствия столь большого запаса простаивающих производственных мощностей, на который экономика смогла тогда опереться, но зато с новыми инвестиционными программами.

Источники

- Гневашева В. А. (2016). «Голландская болезнь» в России? // Международные процессы. Т. 14, № 4. С. 146–154.
- Гуриев С. М., Сонин К. И. (2008). Экономика ресурсного проклятия // Вопросы экономики, № 4. С. 61–74.
- Дробышевский С., Козловская А., Трунин П. (2004). Выбор денежно-кредитной политики в стране – экспортере нефти. М.: ИЭПП. 91 с.
- Иноземцев В. (2017). Ловушка низких доходов. В чем главный вызов для России? // Forbes. 28.09. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/349681>
- Полтерович В. М., Попов В. В., Тонис А. С. (2007). Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 101 с.
- Суслова Е. А., Волчкова Н. А. (2007). Человеческий капитал, промышленный рост и ресурсное проклятие. Препринт WP13/2007/11. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 28 с.
- Талеб Н. Н. (2012). Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус. 587 с.
- Хамфрис М., Сакс Дж., Стиглиц Дж. (ред.) (2011). Как избежать ресурсного проклятия. М.: Изд-во Института Гайдара. 464 с.
- Auty R. M. (1993). *Sustaining development in mineral economies: The resource curse thesis*. L.: Routledge. 86 p.
- Auty R. M. (ed.) (2001). *Resource abundance and economic development*. Oxford University Press, 144 p.
- Brunnshweiler C. N. (2006). Cursing the blessing? Natural resource abundance, institutions, and economic growth. *ETH Economics Working Paper*, no. 51. 29 p.
- Corden W. M., Neary J. P. (1982). Booming sector and de-industrialisation in a small open economy. *The Economic Journal*, vol. 92, pp. 825–848.
- Corden W. M. (1984). Booming sector and Dutch disease economics: survey and consolidation. *Oxford Economic Papers*, vol. 36, pp. 38–47.
- Eichengreen B. (2011). Escaping the middle-income trap. *Proc. of Economic Policy Symposium*. Jackson Hole: Federal Reserve Bank of Kansas City, pp. 409–419.
- Eichengreen B., Donghyun P., Kwanho S. (2011). When fast growing economies slow down: International evidence and implication for China. *NBER Working Paper Series*, no. 16919. Available at: http://www.nber.org/papers/w16919.pdf?new_window=1
- Gausdal S. G. (2000). *Inflation targeting*. Norges Bank. Available at: www.norges-bank.no/templates/article_17891.aspx
- Gelb A. (1988). *Oil windfalls: Blessing or curse?* N.Y.: World Bank Research Publications. 79 p.
- Gylfason T. G., Zoega G. (2002). Inequality and economic growth: Do natural resources matter? *CESifo Working Papers Series*, no. 712. 26 p.
- Gylfason T. G. (2004). Natural resources and economic growth: From dependence to diversification. *CEPR Discussion Paper*, no. 4804. 23 p.

- Hartwick J. (1990). Natural Resources, National Accounting and Economic Depreciation. *Journal of Public Economics*, vol. 43, pp. 291–304.
- Mehlum H., Moene K., Torvik R. (2006). Institutions and the resource curse. *The Economic Journal*, no. 116, pp. 44–59.
- Ross M. L. (2015). What have we learned about the resource curse? *Annual Review of Political Science*, no. 18, pp. 239–259.
- Sachs J. D., Warner A.W. (1995). Natural resource abundance and economic growth. *NBER Working Paper*, no. 5398. 26 p.
- Sachs J. D., Warner A.W. (1999). The big push, natural resource boom and growth. *Journal of Development Economics*, vol. 59, pp. 43–76.
- Soikkeli J. (2002). *The inflation targeting framework in Norway*. IMF WP/02/184. Available at: www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2002/wp02184.pdf
- Svensson L. E. O. (2004). *Exchange rate target or inflation target for Norway?* Available at: www.princeton.edu/svensson/papers/BNORW712.PDF
- Venables A. J. (2016). Using natural resources for development: Why has it proven so difficult? *Journal of Economic Perspectives*, vol. 30, no. 1, pp. 161–184.

Информация об авторах

Юрченко Константин Павлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры внешнеэкономической деятельности Уральского государственного экономического университета, 620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: +7 (343) 221-17-36, e-mail: kpyur@yandex.ru

Савельева Ирина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры внешнеэкономической деятельности Уральского государственного экономического университета, 620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: +7 (343) 221-17-36, e-mail: irinasavelyeva2008@yandex.ru

...

Konstantin P. Yurchenko Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
Irina N. Savelyeva Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

The trajectories of macroeconomic policy under the middle-income trap

Abstract. By the end of 2013, Russia's economy has entered a recession, which resulted from a combination of fundamental (the middle-income trap) and market (international sanctions and a reduction in the price of oil) factors reinforced by the Dutch disease. The economy found itself in a state of negative stabilization caused by a prolonged depression and leading to a stable equilibrium with low economic indicators. Consequently, Russian macroeconomic regulators now have to search for macroeconomic tools, which would be able to put the economy onto a way of sustainable growth. The paper aims to provide the rationale for the choice of structural policy tools and analyse their combination with the careful use of traditional monetary and fiscal policy tools. The methodological basis of the paper includes the models of resource-dependent

economy as well as the empirical studies of reactions of such economies to the implementation of macroeconomic tools. The authors justify the necessity of returning to industrial policy as a fundamental tool for regulating economic growth and attempt to demonstrate the vulnerability of the Russian economy to the middle-income trap worsened by resource dependence employing the methods of comparative graphical analysis and correlation analysis. The trajectory of the economy proposed by the researchers in order to handle the situation implies a balanced use of traditional tools based on empirical evaluation of their impact on economic growth in similar conditions, which is feasible in the practice of macroeconomic regulation.

Keywords: negative stabilization; resource-dependent economy; the Dutch disease; economic growth; the middle-income trap; macroeconomic policy.

For citation: Yurchenko K. P., Savelyeva I. N. (2019). Traektorii makroekonomicheskoy politiki v usloviyakh lovushki srednego dokhoda [The trajectories of macroeconomic policy under the middle-income trap]. *Journal of New Economy*, vol. 20, no. 5, pp. 23–41. DOI: 10.29141/2658-5081-2019-20-5-2

Received May 13, 2019.

References

- Gnevasheva V. A. (2016). “Gollandskaya bolezn” v Rossii? [The Dutch disease in Russia?]. *Mezhdunarodnye protsessy = International Processes*, vol. 14, no. 4, pp. 146–154. (in Russ.)
- Guriev S. M., Sonin K. I. (2008). *Ekonomika resursnogo proklyatiya* [Economics of resource curse]. *Voprosy ekonomiki = The Issues of Economics*, no. 4, pp. 61–74. (in Russ.)
- Drobyshevskiy S., Kozlovskaya A., Trunin P. (2004). *Vybor denezhno-kreditnoy politiki v strane – eksportere nefi* [The choice of monetary policy in the oil-exporting country. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy. 91 p. (in Russ.)
- Inozemtsev V. (2017). Lovushka nizkikh dokhodov. V chem glavnyy vyzov dlya Rossii? [Low income trap. What is the main challenge for Russia?]. *Forbes*, September 28. Available at: <http://www.forbes.ru/biznes/349681> (in Russ.)
- Polterovich V. M., Popov V. V., Tonis A. S. (2007). *Ekonomicheskaya politika, kachestvo institutov i mekhanizmy “resursnogo proklyatiya”* [Economic policy, the quality of institutions and the mechanisms of the resource curse]. Moscow: HSE. 101 p. (in Russ.)
- Suslova E. A., Volchkova N. A. (2007). *Chelovecheskiy kapital, promyshlennyy rost i resursnoe proklyatie. Preprint WP13/2007/11* [Human capital, industrial growth, and the resource curse. Preprint WP13 / 2007/11]. Moscow: HSE. 28 p. (in Russ.)
- Humphreys M., Sacks J., Stiglitz J. (eds.) (2011). *Kak izbezhat’ resursnogo proklyatiya* [Escaping the resource curse]. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy. 464 p. (in Russ.)
- Taleb N. N. (2012). *Chernyy lebed’*. *Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan. Under the sign of unpredictability]. Moscow: KoLibri Publ.; Azbuka-Attikus Publ. 587 p. (in Russ.)
- Auty R. M. (1993). *Sustaining development in mineral economies: The resource curse thesis*. L.: Routledge. 86 p.
- Auty R. M. (ed.) (2001). *Resource abundance and economic development*. Oxford University Press, 144 p.
- Brunnshweiller C. N. (2006). Cursing the blessing? Natural resource abundance, institutions, and economic growth. *ETH Economics Working Paper*, no. 51. 29 p.
- Corden W. M., Neary J. P. (1982). Booming sector and de-industrialisation in a small open economy. *The Economic Journal*, vol. 92, pp. 825–848.
- Corden W.M. (1984). Booming sector and Dutch disease economics: survey and consolidation. *Oxford Economic Papers*, vol. 36, pp. 38–47.
- Eichengreen B. (2011). Escaping the middle-income trap. *Proc. of Economic Policy Symposium*. Jackson Hole: Federal Reserve Bank of Kansas City, pp. 409–419.

- Eichengreen B., Donghyun P., Kwanho S. (2011). When fast growing economies slow down: International evidence and implication for China. *NBER Working Paper Series*, no. 16919. Available at: http://www.nber.org/papers/w16919.pdf?new_window=1
- Gausdal S. G. (2000). *Inflation targeting*. Norges Bank. Available at: www.norges-bank.no/templates/article_17891.aspx
- Gelb A. (1988). *Oil windfalls: Blessing or curse?* N.Y.: World Bank Research Publications. 79 p.
- Gylfason T. G., Zoega G. (2002). Inequality and economic growth: Do natural resources matter? *CESifo Working Papers Series*, no. 712. 26 p.
- Gylfason T. G. (2004). Natural resources and economic growth: From dependence to diversification. *CEPR Discussion Paper*, no. 4804. 23 p.
- Hartwick J. (1990). Natural Resources, National Accounting and Economic Depreciation. *Journal of Public Economics*, vol. 43, pp. 291–304.
- Mehlum H., Moene K., Torvik R. (2006). Institutions and the resource curse. *The Economic Journal*, no. 116, pp. 44–59.
- Ross M. L. (2015). What have we learned about the resource curse? *Annual Review of Political Science*, no. 18, pp. 239–259.
- Sachs J. D., Warner A.W. (1995). Natural resource abundance and economic growth. *NBER Working Paper*, no. 5398. 26 p.
- Sachs J. D., Warner A.W. (1999). The big push, natural resource boom and growth. *Journal of Development Economics*, vol. 59, pp. 43–76.
- Soikkeli J. (2002). *The inflation targeting framework in Norway*. IMF WP/02/184. Available at: www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2002/wp02184.pdf
- Svensson L. E. O. (2004). *Exchange rate target or inflation target for Norway?* Available at: www.princeton.edu/svensson/papers/BNORW712.PDF
- Venables A. J. (2016). Using natural resources for development: Why has it proven so difficult? *Journal of Economic Perspectives*, vol. 30, no. 1, pp. 161–184.

Information about the authors

Konstantin P. Yurchenko, Cand. Sc. (Econ.), Associate Prof. of Foreign Economic Activities Dept., Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia
Phone: +7 (343) 221-17-36, e-mail: kpyur@yandex.ru

Irina N. Savelyeva, Cand. Sc. (Econ.), Associate Prof. of Foreign Economic Activities Dept., Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia
Phone: +7 (343) 221-17-36, e-mail: irinasavelyeva2008@yandex.ru

© Юрченко К. П., Савельева И. Н., 2019